

Сихарулидзе Т. Т.

Профессор Ататюркского Университета,
доктор филологических наук, Турция, Эрзурум

О РУССКО-УДИНСКОМ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Распад государства Кавказская Албания (в VIII в.) обусловили утрату соответствующим народом всех христианских канонических и литературных памятников, написанных оригинальным древнеалбанским (протоудинским) алфавитом.

В XIX в. включение Азербайджана (resp. Кавказская Албания) в состав Российской Империи актуализировало проблему восстановления и укрепления позиций христианства и предопределило перевод на удинский язык церковной литературы. В рамках поставленной задачи возникла необходимость создания для удинского алфавита на основе кириллической графики с целью его дальнейшего использования при печатании переводного текста Нового Завета на удинском языке.

Первый алфавит для удинского языка на основе кириллической графики во второй половине XIX в., по всей вероятности, создал попечитель Кавказского учебного округа М. Р. Завадский. Перевод Нового Завета с русского на удинский (древнеалбанский) язык поручили варташенцам (ныне село Огуз Азербайджан) братьям Михаилу и Семену Бежановым, закончившим свою работу в 1898 г. Параллельный русско-удинский текст Евангелия был издан в Тбилиси в 1902 г. К сожалению, отсутствие переводческого опыта, с одной стороны, а также отсутствие практической грамматики удинского языка, с другой стороны, предопределили наличие в переводе значительного количества погрешностей, как первого, так и второго порядка. Неточности смыслового плана условно можно разбить на непосредственные,

допущенные переводчиками с русского на удинский язык, и опосредованные, обусловленные неверным переводом самого исходного русского текста.

Ниже в критическом плане сперва будут рассмотрены случаи неадекватного перевода в русском тексте Нового Евангелия, а затем перейдем к неточностям, допущенным при переводе с русского на удинский.

Итак, Евангелии от Матфея (3.4): «Сам же Иоанн имел одежду из **верблюжьего волоса** и пояс кожаный на чреслах своих» (Новый завет, 1902, 3.4). Полагаем, вместо словосочетания «верблюжьего волоса» должно быть – верблюжьей шерсти, что подтверждается соответствующими стихами французского и грузинского Евангелия. В первом случае дано: «Le vetment de Jean etait fait **de poils de chameau** et il portait une ceinture de cuir autour de la taille» (La Bible, Ancien et Nouveau testament, 1992: 3.4) – «одежда Иоанна была изготовлена (сделана) из **верблюжьей шерсти**, и он носил кожаный ремень вокруг пояса». В грузинском переводе этого же стиха: «TviTon ioanes emosa aqlemis **bewvis** samosi da welze ertKa Tkavis sartKeli, 1992: 3.4). В грузинском для обозначения стриженной овечьей шерсти используется слово «МьмаTKli,М», однако и слово «bewvi» имеет значение «шерсть». Bbewvi (pirutKvisa) – шерсть [Датикашвили, 1953, с.186]. Полагаем, все сомнения по этому поводу снимает древнегреческий текст, в котором интересующее нас слово «trixos» (Novum testammant GRAECE: 3.4), имеет значение «шерсть, руно» [5; с.796]. Удинским соответствием данного стиха является предло-

жение: Ioani iCi butai farTal *buSe fofnuxo* va ToxKa tollai iC bayanel. Дословный перевод словосочетания «верблюжий волос» с русского на удинский «*buSe fofnuxo*» обусловил повторение этой неточности в удинском стихе.

Таким образом, неточность удинского перевода в этом стихе обусловлена неточностью русского перевода, и, исходя из этого, вместо слова, обозначающего волос – удинское «*fof*», необходимо дать удинское слово «*xa*» «шерсть». Следовательно, наиболее адекватным соответствием «*buSe fofnuxo*» («из верблюжьего волоса») следует считать сочетание «*buSe ха*» – «из верблюжьей шерсти, пуха». Кстати, как известно, верблюжья шерсть на 80–85% состоит из верблюжьего пуха, а не волоса.

Следующий случай неадекватного перевода обнаруживается в Евангелии от Матфея (21.33): «Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем *точило*, построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился». В рассматриваемом стихе, с нашей точки зрения, нарекание вызывает перевод фразы: «Был некоторый хозяин дома...». В древнегреческом слово «*oikodespotes*» [5; с.1156] имеет значение хозяин дома, а в толковом словаре греческого языка указывается два значения: господин дома и хороший хозяин. Вероятнее всего, контексту соответствует значение «хороший хозяин», поскольку «некоторый хозяин дома» в данном случае не несет нужной смысловой нагрузки. Имеется в виду хороший, рачительный хозяин, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем давилню, построил башню, т.е. не только посадил виноградник, но и позаботился об его охране, а также подумал о дальнейшей судьбе урожая, сделав там давилню для винокурения.

Еще одним подтверждением излишества слова *дом* является другое слово, а именно «*башня*» – «*prigōs*» [5; с.1443]. И ныне в Грузии такого рода сторожевые сооружения (или просто шалаши) для охраны виноградника строятся только в том случае, если последний расположен не у дома, а в отдалении, поэтому, полагаем, слово «*дом*» не не-

сет какой-либо смысловой нагрузки и выпадает из контекста. Слово «башня» в удинском и грузинском текстах представлено соответственно словами «*minaḡa*» и «*koSki*», а вот во французском Евангелии дано «*tour de garde*» – «сторожевая башня». Определение «сторожевая» уточняет функциональную нагрузку слова башня и еще более укрепляет наше предположение.

В этом же стихе русскому слову «*точило*» – «*toCilo*» в удинском тексте соответствует слово «*maran*». В словаре удинского языка для слова «*maran*» дано два значения: 1) склад, погреб; 2) точило, брусок [В. Гукасян, 1974, с.170]. Однако ни одно из этих значений не соответствует значению слова «*точило*», данного в русском тексте. Автор русской части Евангелия для обозначения «*давилни*» использовал диалектную форму «*точило*» – точило, устройство для выжимки виноградного сока [3; с.423].

Переводчик-удин либо никогда не сталкивался с виноделием, что маловероятно, либо отсутствие переводческого опыта и недостаточное знание русского языка (конкретно его диалектных форм) предопределили неверный перевод. Поэтому вместо «*давилня*» (т. е. точило) и присутствует «*maran*» (т. е. склад, погреб). Здесь, несомненно, должно быть слово «давилня», как у грузин «*sawnexeli*», у французов «*pressoir*». Все сомнения снимает древнегреческий текст, где дано значение *lenos* «виноградное точило» [5; 1025]. Соответственно в удинском тексте параллелью русскому точило должно быть слово «*nav*» – «давилня», которое этимологически тоже, что и грузинское «*nav-i*» (лодка); *i* – показатель именитого падежа. Вероятно, это слово заимствовано из персидского (*nav*); кстати, в современном турецком есть слово «*navlun*»: 1) морской фрахт, 2) плата за проезд на судне [Турецко-русский словарь, 2006, с.417], а в староосманском имела форма «*nav*» со значениями: 1) предмет с углублением посередине 2) маленький корабль, лодка [Ferit Devellioglu, 2005, p.810]. Эту информацию уточнил и предоставил ассистент кафедры русского языка и литературы Эрзурумского Ататюрковского университета Мурат Йылмаз.

«Nav» изготавливали из ствола цельного большого дерева (в середине по всей длине и ширине выдалбливалась емкость, в которую помещали виноград для давки последнего ногами). Интересующее нас слово, помимо этой главы, встречается в Евангелии от Марка (12.1), в Откровении (14.19): «и бросил в великое точило» (20): «И истоптаны ягоды в точиле за город» (19.15): «Он топчет точило вина ярости».

Следующая неточность не требует разъяснений, она очевидна и обусловлена тем, что переводчик дословно перевел слово масло. В русском тексте Евангелии от Матфея (25.3): «Неразумная, взявши светильники свои, не взяли с собою **масла**»; Евангелии от Матфея (25.4): «Мудрая же, вместе со светильниками своими, взяла **масла** в сосудах своих».

Как известно, в русском языке слово масло одинаково обозначает масло сливочное и растительное (постное): подсолнечное, оливковое, кукурузное, т.е. в качестве топлива для лампы обычно используется растительное, а не сливочное масло.

Это подтверждается соответствиями из французского и грузинского стихов, в которых даны слова «la huile» (huile de lin – льняное масло, huile d'olive – оливковое масло), в грузинском слово «zeTi» практически обозначает все виды растительного масла с соответствующим уточняющим определением: zeitunis (оливковое): mzesumziris (подсолнечное), simindis (кукурузное). Для обозначения же сливочного масла в грузинском и французском используются другие лексемы: «karaqı» и «le beurre».

Такое же явление наблюдается и в удинском языке. Для выражения понятий масло сливочное и масло растительное в современном удинском используются слова с разными корнями: для первого – «y'in», для второго – «zeT». Отсутствие определения (сливочное, растительное) при слове масло в русском тексте обусловило ошибку в удинском: вместо «zeT» (масло растительное) дано «y'in» (масло сливочное). В древнегреческом Евангелии в со-

ответствующем стихе дано [elaion] «оливковое масло» [Novum Testament GRAECE... 1904]. В связи с допущенной неточностью удинский текст читается следующим образом Евангелии от Матфея (25.3): «Неразумные, взявши светильники свои, не взяли с собою сливочного масла» Евангелии от Матфея (25.4): «Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли сливочное масло в сосудах своих». Слово «**масло**» встречается также в Евангелии от Луки (16.6): «Он сказал: сто мер масла». В 3-ем стихе необходимо отметить еще одну синтаксическую неточность, искажающую содержание предложения в целом: haKlaxo, subutGon iCGo CiraGo aKi TeKun aKi iCxoGo, y'in (должно быть **weT**); haKlutuGon gena iCGo CiraGoXo, sa gala aKunKe lekerGoboS y'in (должно быть **weT**).

В русском тексте подлежащее выражено субстантивированным прилагательным – «неразумная» – и после него деепричастный оборот заключен в запятой. В удинском переводе так же, как в русском, запятая поставлена после первого слова, разделяя сложное подлежащее, выраженное в удинском синтаксически неделимым сочетанием: «haKlaxo subutGon» (букв. от ума легкие, т.е. умом легкие, или легкомысленные), после которого и следует поставить запятую. В противном случае, если поставить запятую после первого слова, как дано в удинском тексте, то утрачивается смысл: «умные» (должно быть «неразумные»), «легкие взявши светильники свои, не взяли с собою сливочного масла...».

Помимо рассмотренных случаев неточного перевода, искажающих содержание Евангелия, имеются случаи различного рода нарушений принципов орфографии, иностранные заимствования при наличии собственно удинских лексем.

Перевод Евангелия, осуществленный в конце XIX в. и изданный в Тбилиси в начале XX в. (1902 г.) был первым и последним переводом на один из кавказских языков, выполненным в царский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках. Тифлис, 1902.
2. Гукасян В. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
3. Даль В. Толковый словарь. М., 1955.
4. Джейранишвили Е. Удийский язык (на груз. языке). Тбилиси, 1971.
5. Древнегреческо-русский словарь. М., 1957.
6. Турецко-русский словарь / под редакцией Рыбальченко. М., 2006.
7. La Bible, Ancien et Nouveau Testament, Traduit del hebreu et du grec en francais courant, Alliance biblique universelle, 1992.
8. ახალი აღთქმა და ფსალმუნები, ბიბლიის თარგამანის ინსტიტუტი, სტოქჰოლმი, 1992.
9. დათიკაშვილი. ქართულ-რუსული ლექსიკონი, თბილისი, 1953.
10. Novum Testamentum GRAECE fpparu et libris manu scriptis collecto curavit eberhard Nestle, Stuttgart, 1904.
11. Ferit Devellioğlu. Osmanlıca–Turkçe Luğat, Aydın Vitabevi, Ankara, 2005.
12. Shiefner A. Versuch Über die Sprache der Uden. St.PETERSBURG, 1863.